

Пучков обогнал Сталина, приписав ему поражениеское настроение после первых тяжелых неудач на фронтах (См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С.148-149). Имеются свидетельства, что 22 июня застало его больным острой формой ангины. В то же время, согласно тетради записи лиц, принятых Сталиным, 21-го у него побывало 11, 22-го – 15 лиц (кое-кто из них по 2-3 раза).

Высказывалось мнение, что не Молотов, а Сталин должен был выступить по радио в первый день войны. Но это было бы неверно тактически. Сталинская речь 3 июля, то есть на двенадцатый день войны, явилась непревзойденным шедевром сердечного обращения к каждому соотечественнику, емкой программой достижения успеха в борьбе. Подобную разработку, как и принятой 29 июня директиву Совнаркома и ЦК партийным и советским организациям прифронтовых областей, не мог подготовить растерявшийся, подавленный человек.

Было, однако, еще одно, кардинальное обстоятельство, которое до сих пор ускользает (или же преднамеренно упускается) из поля зрения исследователей. Речь идет о классовой борьбе на международной арене, приобретшей после Октября характер противостояния двух систем.

Сталин неплохо разбирался в истории войн. И есть основания полагать, что перед его мысленным взором не раз вставала картина сражения при Каннах и на Перекопе, панорама маневрирования пространством в Отечественной войне 1812 года и начало первой мировой. Известно, что Россия не объявляла в 1914 году войну Германии. Войну объявила Германия, и притом под предлогом, что в России приступили к мобилизации. Сталина, по-видимому, очень сдерживал – признаков этого достаточно – именно данный прецедент.

Главное же состояло вот в чем. Больше, чем конъюнктурных военных неудач, Сталин опасался объединения крупнейших империалистических держав: Англия в это время воевала с Гитлером, захватившим всю континентальную Европу; США, не участвуя в войне, служили как бы ее заокеанским тылом, – альянса мирового капитала против Советского Союза. На сей счет у него было более, чем достаточно, "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет" (Пушкин). Перед Сталиным маячил пример Польши, которая в 1938 году беспечно поучаствовала с Германией в разделе Чехословакии, а в 1939-м, отвергнув возможность советской помощи, сама стала жертвой недомыслия своих правителей. В докладе 6 ноября 1941 года Сталин упомянул и пример "Франции, правители которой, дав себя запугать призраком революции, с перепугу положили под ноги Гитлера свою родину, отказавшись от сопротивления. Немецко-фашистские стратеги думали, – подчеркнул Сталин, – что то же самое произойдет с Великобританией и США. Небезызвестный Гесс для того, собственно, и был направлен в Англию немецкими фашистами (май 1941 года. – Авт.), чтобы убедить английских политиков примкнуть ко всеобщему походу против СССР" (Соч. Т.15. С.73). Сталин вряд ли считал себя вправе выступить перед народом, не проведя глубокий внешнеполитический зондаж. 3 июля он смог уже уверенно доложить о предпосылках создания мощной антигитлеровской коалиции.

Мао Цзэдун как-то сказал, что лягушка, сидящая на дне колодца, утверждает, что небо величиной с колодец. Так и практически все "критики" Сталина. Стратеги, в лучшем случае военные, а то и просто склочники, они не выходили на уровень геополитической, всемирно-исторической стратегии. Им было важно выиграть одно либо несколько сражений в армейском, фронтовом или межфронтовом диапазоне, – Сталин должен был выиграть, в том числе за счет постановки тыловой, народнохозяйственной и дипломатической работы, в целом всю войну. И не только ее. Задача высвечивалась намного шире. Следовало вывести новый строй из капиталистического окружения и вызываемой им международной изоляции, помочь ему утвердиться как мировой системе, создать гарантии его неустрашимости и прогресса.

Смешно сейчас читать пахнущие троцкизмом заявления о том, будто "Сталин напирал на национальный фактор, считая его самодовлеющим" (Альтернативы. 2001. № 2. С.122), вирши, в которых игнорируется реальный исторический процесс. По Ленину, "интернационализм на деле один и только один: беззастенчивая работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в своей стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) такой же борьбы, такой же линии, и только ее одной, во всех без исключения странах". Яснее вроде бы не скажешь. "Все остальное, – добавлял Ленин, – обман и маниловщина" (ПСС. Т.31. С.170). В отличие от Троцкого, который видел в Родине всего лишь материал для подтопки мировой революции, Сталин поступал как раз по Ленину. Он укреплял и расширял базу социалистической общественной системы в СССР, раздвигал горизонты мировой революции на территориях многих европейских и азиатских стран, включая сюда миллиардный Китай. Неужто так уж трудно, когда речь заходит о Сталине, отличить человеческий голос от лягушачьего кваканья?..

Признаться, мое первое знакомство с хрущевским докладом весной 1956 года оставило впечатление произвольно-экллетического набора фактов под соусом давней аппаратной интриги и сведения счетов. С тех пор это впечатление многократно усилилось. Его основательно укрепили бесчисленные мифы, которые охотно мультиплицировались буржуазно-ревизионистскими СМИ. Перечислим наиболее ходкие из них.

Миф первый: отношения со Сталиным Ленин якобы прервал своей запиской от 5 марта 1923 года. Такого эффекта Хрущев добился, процитировав этот документ и отказавшись его комментировать. Миф опровергается фактически и документально, о чем я писал в "Правде".

Миф второй: Ленин, возможно, был отравлен Сталиным. Во всяком случае, Сталин был готов по просьбе тяжело больного Ильича доставить ему яд. Автор этого мифа – Троцкий. Миф опровергается запиской Сталина в Политбюро от 21 марта, на которой, кстати, есть подпись читавшего ее Троцкого.

Миф третий: Сталин-де причастен к убийству С.М. Кирова. Любимая игрушка А.Н. Яковлева. Опровергнута рядом публикаций, среди которых наиболее фундаментальной является работа А.А. Кириллиной "Рикошет, или Сколько человек было убито выстрелом в Смольном" (СПб, 1993).

Миф четвертый: Сталин был агентом царской охранки. В отдельных публикациях фигурировала даже "его" жандармская кличка – "Фигус", в действительности принадлежавшая некоему Ерикову-Бакрадце. Основной документ, содержащий этот "компромат", датирован 12 июля 1913 года и вытасканный с страницы "Московской правды" Г. Арутюновым и Ф. Волковым. По целому ряду несомненных признаков он аттестуется как фальшивка. В частности, в этом небольшом тексте семь раз упоминается свежий тогда псевдоним "Сталин", хотя вся связанная со Сталиным жандармская переписка тех лет именуется его по первоначальной фамилии Джугашвили.

Миф пятый: известный русский врач В.М. Бехтерев якобы, осмотрев Сталина, назвал его параноиком. Автор мифа – академик Н.П. Бехтерева, внучка знаменитости, сама опровергла его в печати (См: Аргументы и факты. 1995. № 32. стр.2-3).

И так далее и тому подобное... Спрашивается: не слишком ли много всего такого дается и обрушивается на одного человека?

"Все необыкновенное мешает людям жить так, как им хочется", – писал о восприятии Ленина обывателями Максим Горький. Ношу, которую 30 лет держал на своих плечах, свято чтя заветы Учителя, Сталин, "обыкновенной" не назовешь. На его жизненном счету две исторических "мелочи": 1) создание устойчивого трудового товарищеского сообщества с лучшей в мире системой управления и динамикой роста; 2) победа над ударными отрядами мирового империализма на западе и на востоке с искусным маневром по временному привлечению на свою сторону других соперничающих империалистических держав. "Владимир Ленин был человеком, который так помещал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сде-

лать это. Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие, чумные пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин – вдохновитель и вождь пролетариев всех стран" (В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М., 1958. С.240-241). Эти же чувства переносятся и на "наследника его силы" (Горький) – Сталина. Лицемеря по поводу ГУЛАГа и "слезинки ребенка", хапуги и паразиты всяческого сорта прибирают к рукам все, что "плохо лежит", пускают кровь там, где им заблагорассудится, понуждают народы России терять, как на войне, от необеспеченности существования и потери будущего по миллиону жизней в год. Однако прав был белорусский поэт Кондрат Крапива: "Каб сонца засланіць – вушэй асліных мала".

В заметках 1919 года о диктатуре пролетариата Ленин записал: "Борьба до конца или "отболтаться" (К. Каутский, мелкая буржуазия, "социалисты")" (ПСС. Т.39. С.262). Именно в этом предложении выражается сейчас водораздел между коммунистами и оппортунистами.

Никто не скажет, что у Сталина не случалось ошибок, и порой серьезных. Но выявлять их надо в интересах "борьбы до конца", а не ради самоедского или самооправдательного "отбалтывания".

Первое, на что, мне кажется, следовало бы обратить внимание, – это необходимость иметь отлаженный механизм самоочищения и самообновления партии. До XVIII съезда ВКП(б) (1939) она как правящая партия применяла метод массовой чистки. Однако при чистке середины 30-х годов, как признал сам Сталин, "к сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить" (Соч. Т.14. С.323). И чистки, перепутав их с репрессиями, вместо того, чтобы гуманизировать и совершенствовать их методику, отменили. Во время войны погибло свыше трех миллионов коммунистов – в два раза больше, чем было представлено на XVIII съезде. Чистки (очевидно, с поправками на изменившийся персональный состав партии и послевоенные социальные сдвиги) стали вновь необходимы. Но к подобной практике не вернулись, и это имело свои отрицательные последствия.

Второе – представляется поспешным вывод XIX съезда (1952), при мотивировании замены названия партии ВКП(б) на КПСС, о том, что "меньшевистская партия в СССР давно уже сошла со сцены..." (КПСС в резолюциях...С.518). Разумеется, об организационно обособленном меньшевизме в начале 50-х годов не могло быть и речи. Но с дистанции десятилетий отчетливо видно, что меньшевистское идейно-политическое и, если угодно, нравственное течение в партии как в левом (троцкизм), так и в правом (социал-либерализм) его вариантах продолжало существовать. Временами оно находилось в полупридушенном состоянии, а временами – крепло и нагло. Припомните: последний Пленум ЦК КПСС 25 июля 1991 года позволил Горбачеву "вмазать" партии в сущности социал-демократический проект Программы, ревизовать оценки спора "большевики-меньшевики". Отбить этот идеологический гол в свои ворота ЦК уже не сумел.

По мнению ветеранов сталинского ЦК, еще в те поры в руководстве на правую ножку начинали хромать (выражение Шолохова) Берия и Маленков. Им неплохо подхрамывал эластичный Микоян. Как нельзя кстати для этой группочки рядом был выдвинут Сталиным Хрущев. Его эстафету через пару десятилетий и подхватил "наш Михаил Сергеевич". Меньшевизм, отливающий всеми цветами радуги, жив и поныне.

Третье: Сталин, прежде всего в период первых пятилеток и войны, великолепно справился с выковкой для промышленности и армии командных кадров новейшей формации. Этому внешне противоречат данные о предвоенных репрессиях в офицерском корпусе. Но, во-первых, из примерно 19 тысяч уволенных из армии по политическим мотивам более 9 тысяч было возвращено в строй в 1938-1939 годах. Во-вторых, нехватка подготовленных командиров перед войной, которую "демократы" объясняют репрессиями, вызывалась резким увеличением в тот момент численности войск, их штатных потребностей куда больше, чем какими-либо другими причинами. В-третьих, безусловно болезненные процессы кадровых перемен имели – помимо ликвидации военно-троцкистского заговора – и другие положительные результаты. В составе генералитета число лиц с академическим образованием повысилось с 29% до 52% (См.: Пыхалов...С.54). Это в немалой степени сказалось, – естественно, по мере приобретения опыта современной войны, – на общих итогах фронтовых операций, особенно 1943-1945 годов.

В чем Сталин не преуспел, – и об этом надо сказать со всей определенностью, – так в подготовке себе и своим соратникам достойной партийной смены. Если даже один из апологетов Хрущева считает что "этому чрезвычайно мужественному и активному политическому деятелю не хватало ни мужества, ни образования, ни знаний для того, чтобы стать еще и политическим мыслителем" (Бурлацкий... С.191-192), то что должно сказать мы? Крупным, и притом самостоятельным, политическим мыслителем и организатором должен быть всякий, кто берется за рычаги (или же кому они доверяются) руководства Коммунистической партией и социалистическим государством. Это вытекает не из благих пожеланий, а из объективной природы данной партии и данного государства. Любители и карьеристы должны тут выбраковываться беспощадно. Иначе, как жестоко показала нам жизнь, "культ личности" сменяется "культом" без личности, переходящим в свою очередь в культ наличности...

"Как-то в 1947 году, – вспоминал Микоян, – Сталин выдвинул предложение о том, чтобы каждый из нас подготовил из среды своих работников 5-6 человек, таких, которые могли бы заменить нас, когда ЦК сочтет нужным это сделать. Он это повторял несколько раз, настаивал" (Прибытков В. Аппарат. СПб, 1995. С.81). Но, судя по всему, перспективность этого предложения и недооценивалась, и отпугивала, и саботировалась. В отличие от Ленина после Сталина, оказавшегося пленником бюрократии и ее жертвой, не осталось надежной молодой когорты, продвинутой на ключевые позиции, которая умело поведет дело дальше.

Вы, товарищи, конечно, отчетливо помните долгую возню "демократов" с "завещанием Ленина", из которого выхватывалось всего два момента – предложение сместить Сталина с поста Генерального секретаря и "изменение всей нашей точки зрения на социализм", истолковываемое в духе рыночного ревизионизма.

А оставил ли Сталин свое "завещание"? Конечно!

Это – общеметодологические и морально-политические установки работы "Марксизм и вопросы языкознания" (1950); это – "Экономические проблемы социализма в СССР" (1952); это – речь на XIX съезде КПСС, направляющая в общее русло эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе борьбу за демократию и борьбу за национальное освобождение.

Произошла трагедия. Те, кто наследовал его власть, не наследовал его дух. С ним же лично повели себя более, чем неблагородно. Впад в бессознательное состояние, он в течение полусуток пролежал без медицинской помощи. Снятие его со всех постов произвели еще до кончины. Спустя некоторое время выяснили и другие подробности, подтверждающие, что уйти из жизни ему "помогли"...

Заканчивая свой доклад, хочу, товарищи, попросить вас не воспринять его как ностальгическое возвращение в прошлое, как попытку увести вас от жгучей повседневности. Наоборот, не разобравшись в поставленных вопросах, мы не сумеем как следует понимать друг друга, объясняться и достигать взаимопонимания с более молодыми, иначе говоря, уверенно торить тропу в будущее. Сталин и сегодня наше оружие, и его недопустимо доверять дуракам, невеждам и подлецам. Со Сталиным и надо обращаться, как с оружием, эффективным и опасным, обоюдоострым, требующим знания, честности и умения.

Поэтому и прошу вас поддержать вносимую резолюцию.